

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

ОДИН ЗА ВСЕХ,
И СТАЯ ЗА ОДНОГО

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Составитель серии *Алексей Бобл*

Иллюстрация на переплете *Филитта Барбышева*

Малиновская, Елена Михайловна.

М19 Один за всех, и стая за одного / Елена Малиновская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Любовь и Магия).

ISBN 978-5-699-89756-8

Бойся волков, приходящих в полнолуние!

Особенно если они не просто волки, а тем более — смертельно раненные. Помочь такому означает нарваться на очень крупные проблемы. Марика Ренн на собственном опыте узнала, что оборотням неведомо чувство благодарности. И вся ее такая размеренная и спокойная жизнь пошла кувырком. Интриги, убийства, борьба за власть. Да, стая пойдет на все ради спасения одного из своих, но что делать обычной девушке, не имеющей второго облика? Остается лишь одно — попытаться живой выбраться из игры, в которой люди считаются существами низшего порядка!..

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89756-8

© Малиновская Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАМОК ОБОРОТНЕЙ

Вечер сегодня был просто чудесный, каким он только может быть в конце мая, когда летняя жара еще не пришла, но ночи стоят теплые, а ветер напоен ароматом цветущей сирени и лугов.

Я заперла дверь лавки цветов, где являлась помощницей хозяйки. Точнее, как сказать, помощницей... Лавка принадлежала моей тете, седовласой и крепкой, несмотря на прожитые годы, женщины, которой, увы, боги не послали детей. Она давно не переживала по этому поводу и всю свою нерастраченную любовь отдала племянницам и племянникам — детям младшей сестры. Благо что у нашей матери их было целых четверо. Три дочери, из которых я являлась самой младшей, и долгожданный сын Айк, наследник семьи, который родился пару лет назад. В народе таких поздних и неожиданных детей принято называть «поскребышами». Но, стоит признать, мальчуган вышел на славу. Крепкий, горластый, хулиганистый и очень добрый. С огромными глазами небесно-голубого цвета и светлыми, как лен, волосами. Матушка моя уже начала шутить, что вскоре придется ей с отцом готовить метлы, чтобы гнать от порога докучливых невест.

Я невольно улыбнулась при этом воспоминании. Еще раз дернула дверь, желая убедиться, что она действительно закрыта, и неторопливо двинулась по улочке, освещенной магическими фонарями.

Так или иначе, но тетушка, которую все звали просто Малисса, из всех своих племянниц почему-то больше всего выделяла меня. Старшая моя сестра Герда пару лет как вышла замуж и сейчас нянчила первенца, при этом почти сразу забеременев вторым. Средняя, Алика, всю перебирала женихов, доводя отца до белого каления постоянными поздними возвращениями с танцев. А вот я уже давным-давно определилась со своим выбором. Даже более того, мы с Генрихом назначили дату свадьбы — на день летнего солнцестояния, когда принято жечь ночные костры и приносить хвалу всем богам, моля о хорошем урожае.

Любила ли я Генриха? Сложный вопрос. Мы знали друг друга с пеленок. Помню, как всего несколько лет назад он частенько дергал меня за косички, пока однажды я не подстерегла его с Аликой и не отдубасила знатно веником, который стащила из дома. Потом целую неделю он ходил с огромнейшим фингалом под глазом, но родителям на меня не наябедничал. Затем месяц демонстративно не обращал на меня внимания. И вдруг осенью явился ко мне домой с огромным букетом полевых цветов и попросил у моих родителей выдать меня замуж за него. При этом бедняга запинаясь и то бледнел, то краснел, но упорно гнул свою линию, расписывая свои достоинства. Меня пусть и не

пригласили присутствовать при этой сцене, но я видела все от начала до конца, самым наглым образом прильнув к замочной скважине. Отец долго сдерживался, но все-таки не выдержал и расхохотался. Генрих мгновенно помрачнел и как-то виновато ссутулился, от чего мне немедленно стало жалко его до слез. Но вмешалась мать. Строго шикнула на продолжающего веселиться супруга и мягко сказала Генриху, что очень ценит его мужество. Однако мы пока еще слишком малы для столь важного решения. Поэтому она пригласит его родителей на ближайшее вечернее чаепитие, и они обсудят вопрос возможной помолвки, а саму свадьбу отложат на пару лет. Как раз мне к тому моменту исполнится восемнадцать. Самая пора вступить в брак. Если, конечно, наши чувства выдержат проверку временем.

С тех пор мы стали почти неразлучны. Я догадывалась, что Алика и Герда даже обижались на меня. Где это видано, чтобы самая младшая из сестер выходила замуж первой. Наверное, поэтому Герда, недолго думая, вступила в брак с сыном мельника — здоровым и молчаливым верзилой по имени Бак, с которым всего пару раз сходила на танцы. Я знала, что матушка не одобряла этот брак. Ей не нравились новые родственники. Говорят, отец Бака обладал весьма суровым нравом и частенько по пятницам, перебрав крепкого пива, гонял жену и детишек по окрестностям, пока не падал и не засыпал. Но сам Бак не был замечен в пристрастии к алкоголю, и родители, скрепя сердца, благословили этот брак.

Полагаю, с куда большим удовольствием они бы выдали замуж Алику. Но моя сестренка, напротив, совершенно не торопилась с этим делом. То ее видели с одним, то с другим. Несколько раз на танцах даже происходили шумные потасовки, когда Алика приходила с одним кавалером, а собиралась уйти совсем с другим. Отец частенько грозился взять в руки ремень и выпороть вертихвостку, которая своим поведением позорила семью. Но потом родился Айк, и ему стало не до этого.

В общем, я немного отвлеклась. Так или иначе, но моя судьба уже была решена. Скоро, совсем скоро я стану женой Генриха Риола. Тетушка Малисса обещала подарить мне на свадьбу свою лавку, поскольку, по ее словам, она уже не справлялась с нагрузкой, и все чаще за прилавком стояла именно я. Но при этом обещала не бросать меня на произвол судьбы, а по мере сил и возможностей помогать словом и делом.

Занявшись обдумыванием деталей предстоящей свадьбы, я сама не заметила, как миновала последний магический фонарь. Конец улицы утопал в густом чернильном мраке.

Я невольно замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Ой, что это? Почему фонари дальше не горят? Странно.

Нет, я не боялась заблудиться. Это было просто невозможно в нашем крохотном городке под названием Гринаут, который скорее можно назвать большой деревней, даром что Гроштер, столица, совсем рядом. Но как-то сразу я вспомнила, что семейства Адама и Миалы Ритрон, около дома которых я стояла, сейчас нет в городе.

Уехали навестить кого-то из родителей. А Евария Вихон, чей дом был следующим, настолько глуха, что вряд ли услышит мои крики, если на меня вдруг нападут. Кто здесь еще есть?

Я поежилась, осознав, что меня окружают сплошь пустые дома, жители которых по тем или иным причинам вряд ли придут ко мне на помощь в случае необходимости. Правда, почти сразу с усилием улыбнулась. Да ну, чушь какая! Да кто будет на меня нападать? В самом деле, меня здесь каждая собака знает!

И только я так подумала, как совсем рядом вдруг раздался заунывный вой. Громкий, то-скливый, он ударил по напряженным нервам, заставив меня в мгновение ока покрыться холодной испариной испуга.

— Мамочка, — чуть слышно прошептала я. — Кто это? Волк? Но откуда?

Вой повторился теперь намного ближе. И я ринулась бежать, сама не осознавая своих действий. Быстрее, быстрее! Миновать этот край городка, пересечь овраг по узкой дорожке — и я буду около своего дома!

Одна из туфель слетела с моей ноги. Не останавливаясь, я скинула и вторую. Босиком будет легче бежать. Сердце колотилось где-то в моем горле, между ребер пребольно резало.

В этот момент из-за туч вышла полная луна, и я облегченно вздохнула. Теперь я хотя бы видела, куда следует держать путь, и не боялась упасть в какую-нибудь яму.

Впереди черным провалом расплескался овраг. Около самого спуска я остановилась, задыхаясь от нехватки воздуха. Прислушалась.

Кажется, воя уже давно не было слышно. Быть может, бояться больше нечего? Или же, скорее всего, я вообще раздула из мухи дракона. Испугалась собачьего лая. Вот будет смеху дома, когда я расскажу о своих злоключениях! Хотя нет, пожалуй, не стоит. Генрих опять начнет ругаться. Он уже давно говорил мне, что ему не нравится, когда я поздно прихожу домой. Пожалуй, стоит вернуться и поискать свои туфли. Иначе придется объяснять, как я их потеряла.

Едва я так подумала, как вой раздался буквально за моей спиной. Я подпрыгнула и развернулась.

Передо мной стоял волк. Огромный белоснежный зверь, чья шкура призрачно светилась в свете луны.

— Мамочка...

Я не была уверена, что произнесла это вслух. Скорее, только подумала.

Волк медленно двинулся вперед, и я ахнула, заметив, что он почти волочит заднюю лапу, а за ним остается темный след крови. Ох, да он же ранен! Раненый безумно опасный зверь! Он растерзает меня сейчас!

Я, всхлипнув, попяtilась.

«Осторожнее!»

Понятия не имею, откуда взялась эта мысль. Она словно пришла извне. Но я неожиданно ощутила под своей босой пяткой что-то очень острое. Наверное, осколок камня или палку. Ахнула, оступилась — и полетела вниз с края крутого спуска.

Падение вышло настолько внезапным, что я даже не успела испугаться. Одно бесконечно

долгое мгновение, уложившееся между двумя ударами отчаянно колотящегося сердца, и я вдруг обнаружила, что уже не лечу, а лежу на чем-то очень мягком.

Совсем рядом кто-то хрипло застонал от невыносимой боли. Я, обмирая от ужаса, приподнялась на локтях и повернулась, уже догадываясь, что, а точнее кого именно увижу.

Волк! Я лежала на огромном звере, который каким-то чудом остановил мое падение, а скорее сказать, позволил мне приземлиться на себя, тем самым спасая от множество переломов или даже смерти.

Зверь негромко и совсем по-человечески застонал опять. Положил голову на скрещенные лапы, глядя на меня мудрыми ярко-алыми глазами.

— Прости, — почему-то извинилась я, как будто он мог меня понять. — Пожалуйста, прости! У тебя болит? Где? Я помогу.

Зверь хрипло, с присвистом, дышал. И мне это очень не нравилось. Так дышат смертельно раненные животные, когда вечный странник уже готовится забрать их в страну мертвых.

— Я сейчас. — Забормотала, встав перед волком на колени. Осторожно тронула его заднюю лапу, которая была вывернута под неестественным углом.

Волк взвизгнул в полный голос, совсем как щенок, которого походя пнул жестокий прохожий, и я отдернула руку. Закусив губу, посмотрела на него, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами. Что же делать? Тут нужен целитель. Но я вряд ли смогу в одиночку перетащить такого

огромного зверя. К тому же вряд ли старик Беннетт оценит, если я заставлю его ночью идти к раненому волку. Скорее, посоветует обратиться к моему отцу-охотнику, чтобы тот прекратил мучения животного.

«Дай мне свою руку, — опять прозвучало в голове с незнакомыми повелительными интонациями. — Мне нужна кровь. Хотя бы капля чужой крови».

Это напоминало самое настоящее безумие. Я слышу чужой голос в своей голове! Кому он принадлежит? Неужели этому зверю? Да ну, бред какой-то!

Волк устало вздохнул и посмотрел мне в глаза. Из уголка его левого глаза скатилась одинокая слезинка.

Ох, бедный! Как же ему сейчас больно! И я, не задумываясь, протянула ему свою правую руку, ткнув запястьем прямо в пасть.

«Ты сошла с ума!» — взвыл инстинкт самосохранения.

И, как никогда ранее, я была согласна с ним. Но убрать руку уже не могла, словно попав под власть таинственно мерцающих глаз странного зверя.

Волк медленно облизнул мое запястье, не отрывая от меня взгляда, и я с трудом удержалась от нервного смешка. Щекотно как. А затем он обнажил огромные клыки, и мне мгновенно стало не до смеха.

«Не смотри. И не бойся, больно не будет».

Я послушно закрыла глаза. Дернулась, когда почувствовала, как по коже побежало что-то теплое. Но больно действительно не было.

Текли секунды, складываясь в минуты безмолвия. Я лежала рядом с волком, запустив холодеющие пальцы свободной руки в его густую теплую шерсть, и слушала, как что-то страшно клекочет в его груди при каждом вздохе. Такое чувство, будто у него пробито легкое. Но тогда выходит, что зверь все равно обречен. Правда, до момента смерти он успеет выпить всю мою кровь.

Однако эта мысль не испугала меня. Мне было все равно. Какое-то непонятное оцепенение овладевало моими мыслями. Хотелось просто лежать и чувствовать, как жизнь уходит из нас обоих.

«Все, больше нельзя, — внезапно услышала я. — Я и так взял слишком много. Но этого должно хватить на зов».

Зов? Я слабо удивилась. О каком зове он говорит?

При этом мне уже не казалось странным то, что я слышу мысли этого чудного животного.

А в следующее мгновение волк вдруг задрал пасть к полной луне и завыл.

Такого воя я не слышала никогда. Он словно выворачивал меня наизнанку, выжимал сердце и душу, заставляя плакать по утраченным возможностям.

Я беззвучно плакала, уткнувшись мокрым от слез лицом в теплую шкуру умирающего волка.

«Теперь ждать».

Понятия не имею, сколько времени мы пролежали вот так — обнявшись, на мокрой от ночной росы земле. Где-то вдалеке слышались

крики, иногда я видела среди деревьев отблески далеких факелов. Видимо, родители уже встревожились из-за моего непривычно долгого отсутствия. Отец отправился к лавке, обнаружил ее запертой. Кинулся к Генриху, тот, естественно, сказал, что не видел меня. И поднялся переполох.

Я понимала, что надо отозваться. Встать и крикнуть в ответ. Тогда меня непременно найдут. Но как только я собирала достаточно сил для этого, как неизменно накатывало изматывающее оцепенение. И я вновь погружалась в какое-то подобие полусна-полуяви.

И вдруг волк, к которому я прижималась в попытке согреться, пошевелился. Я удивленно приподняла голову, гадая, что его встревожило. Неужели нас все-таки нашли?

И нас действительно нашли. Но не мои родители. На дорожке, ведущей из оврага вверх, стоял незнакомый мне мужчина, одетый в черное. Свет луны выхватил из мрака его светлые волосы, тускло блеснул в камнях перстней, унизывающих его пальцы, отразился на гарде меча, который он держал в руке.

«Фелан».

Это имя опять само возникло в моих мыслях.

Я испуганно моргнула, заметив, как позади незнакомца из тьмы сплелись еще несколько мужских фигур. Попыталась их сосчитать. Раз, два, три... Пятеро! Их было пятеро.

— Я пришел на твой зов, брат, — почти не разжимая губ, обронил блондин. Кинул за спину: — Берите его и тащите наверх к карете. Не

шуметь! Пусть эти деревенские продолжают искать. А я возьму девушку.

Девушку? Я внезапно поняла, что он имеет в виду именно меня. Куда и зачем меня брать? Пусть оставят здесь! Рано или поздно, но меня найдут. И я вернусь к семье и Генриху.

Но сказать я ничего не могла. Язык словно прирос к нёбу, отказываясь повиноваться мне.

Блондин скользнул к нам. Я так и не увидела его движения. Просто только что он стоял на достаточном расстоянии от меня и вдруг оказался совсем рядом. Присел около меня и без малейшего усилия поднял на руки.

«Не хочу!»

Лишь одна мысль билась беззвучным криком в моей голове. Оставьте меня здесь, пожалуйста! Я не хочу никуда с вами ехать! Я вас... боюсь...

— Ваш брат серьезно ранен, — внезапно подал голос один из безликих мужчин, которые уже хлопотали около волка. — Очень серьезно. Я не уверен, выдержит ли он дорогу.

— Демоны! — приглушенно ругнулся блондин. Небрежно скинул меня на руки ближайшего помощника, который явно не ожидал этого и лишь каким-то чудом в последний момент поймал. — Дай посмотрю.

Я опять забилась в своих невидимых путях, понимая, что это мой последний шанс освободиться и сбежать. Понятия не имею, что тут происходит, но чувствую, что это вряд ли закончится чем-либо хорошим для меня.

И неожиданно давление чужой воли действительно ослабло. Я не стала терять времени понапрасну. Ужом вывернулась из рук мужчины,